

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'366+81'37

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ГЛАГОЛА В СОПОСТАВЛЕНИИ
ЕГО С МЕЖЪЯЗЫКОВЫМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ***А.А. Аминова***Аннотация**

В статье продемонстрировано применение ономазиологического подхода к глагольным дериватам родственных и неродственных языков с целью выявления инвариантных и вариативных значений в сфере глагольного действия.

Ключевые слова: глагольная семантика, деривация, инвариантность, русский язык, татарский язык.

Прикладные цели обучения русскому языку требуют создания максимально полной картины его структурно-семантической системы и прежде всего системы русского глагола как наиболее важной в функциональном и структурном отношении части речи. Взаимосвязь и взаимообусловленность лексических, словообразовательных и грамматических характеристик глагола создают определенные трудности перед лицами, изучающими русский язык как неродной, но раскрытию глубинной семантической структуры глагола, отражающей сеть денотативных отношений, способствует познание механизма его действия и путей развития.

Подход к глаголу как к «потенциальной синтагме» или «спрессованному предложению» и описание его семантической структуры как набора определенных параметров действия – количества участников действия (субъектов и объектов), способа действия, направления, среды, интенсивности, времени протекания действия, цели, результата и т. п. – имеют большое значение для выявления парадигматических (в частности, синонимических) и синтагматических связей, реализуемых на различных языковых уровнях (например, при изучении лексико-семантических групп, словообразовательных типов, функционально-семантических полей и т. д.).

Именно при таких исследованиях важно применение сопоставительного метода, поскольку анализ глагольных категорий на фоне родного языка учащегося позволит обнаружить уровневые лакуны при выражении тех или иных семантических сфер. Сложность и одновременно значимость изучения производного

глагола в педагогической практике обусловлена самой его природой: многослойной семантикой, сложностью взаимодействия лексических и грамматических характеристик, а также несоответствием или частичным соответствием структур в родном и изучаемом языках. Производный глагол, в отличие от производных других частей речи, отличается более выраженной изменчивостью референции. Специфика русского производного глагола отчетливее и полнее проявляется на фоне его межъязыковых эквивалентов в родственных (чешском, польском, украинском и др.) и неродственных (например, татарском, французском, немецком) языках.

Попытки выявления универсальных и уникальных смыслов (параллельно с изучением средств их выражения) оказываются успешными; так, в русском языке значения направленности действия ('внутри', 'изнутри наружу', 'вокруг', 'мимо точки' и т. п.) оформлены словообразовательными средствами, а характеристика способа действия чаще всего передается на лексическом уровне. Типологизация подобных «общих смыслов» формирует основу для создания идеографических и денотативных одноязычных, а затем и двуязычных грамматик.

При сопоставлении словообразовательных типов (СТ) и особенно гнезд предлагается применять ономаσιологический подход, способствующий выявлению семантических сфер эквивалентной и безэквивалентной глагольной лексики. Ономаσιологическое описание производных глаголов (в первую очередь русского и татарского языков в связи с означенной педагогической практикой), позволяющее точно выделять инвариантное и варьирующееся в их семантической структуре, дает представление о специфике членения семантического пространства языка, возможность приблизиться к построению ономаσιологической картины дифференциации глагольных систем неродственных языков.

Сопоставление словообразовательных характеристик глаголов русского и татарского языков свидетельствует о том, что значение в принципе безразлично к средствам выражения, и специфика глагольной системы проявляется прежде всего в технике номинации, в выборе признака наименования, а также в особом членении семантического пространства.

Так, в частности, только в системе русского глагола словообразовательными средствами могут быть выражены следующие значения: 'совершить действие тайком' (*под-*), 'совершить действие с причинением ущерба' (*об-*), 'воспринять, научить или объяснить что-либо во всех подробностях' (*раз-*); последнее в системе татарского глагола не отражено в каком-либо специальном словообразовательном типе, но благодаря наличию СТ «совершить действие, названное мотивирующим глаголом для кого-то, в интересах кого-то» (...*n* + *бирү*) в отдельных случаях оно может быть передано соответствующим модифицирующим глаголом (растолковать, разъяснить – *аңлатын бирү*). В русском языке не реализуется на словообразовательном уровне позиция говорящего (в татарском языке – модифицирующим глаголом *бирү* с ограниченной валентностью, в грузинском – специальными аффиксами, во французском – выбором глагола в особых ситуациях, например, выйти на сцену – *entrer*, в немецком – словообразовательными элементами *her-*, *hin-*). К числу специфических словообразовательных значений (СЗ) глагольных дериватов татарского языка относятся «направленность действия к говорящему адресату» (...*n* + *бирү*), «пробная завязка действия»

(...*n* + *карау*), «едва не совершившееся действие» (...*a* + *язу*), «постепенное нарастание действия» (...*n* + *бару*, ...*n* + *килу*) и др.; отчетливо вырисовываются на фоне коммуникативной значимости («фокальности») глаголы *ату*, *ташлау*, *салу* на месте второго компонента аналитической конструкции.

Сопоставление глаголов неродственных языков показывает, что основные семантические поля (архиполя), как и более мелкие группировки (глаголы движения, социальных отношений, речи и т. п.), – это универсальные категории. Тем не менее единообразные семантические классификации едва ли возможны, так как набор сем и их иерархия в рамках одного глагола и соотношение ядерных и периферийных сем в рамках таких группировок, как лексико-семантические группы или словообразовательные типы сопоставляемых языков, различны.

Например, оппозиция глаголов русского языка по признаку «действие – состояние» реализуется на лексическом уровне; в татарском языке модифицирующий глагол *тору* способен придать аналитической конструкции признак статичности: *басу* ‘встать’ – *басып тору* ‘стоять’. Оригинальным явлением в словообразовательной системе татарского языка следует считать также кодирование через словообразовательные средства (*бару*, *йөрү* – *тору*) динамического и статического признаков, шире – деятельности и состояния, тогда как названные семантические признаки составляют основание семантической пирамиды русского глагола. По своей словообразующей функции глагол *тору* напоминает немецкий словообразующий компонент *da-*, который, обозначая нахождение в пространстве между точками, представляет это пространство как известную сферу, в которой протекает действие мотивирующего глагола (*йөрөп тору* ‘ходить, похаживать, пребывать в состоянии хождения’), отличается широкой валентностью. Глагол *тору*, сочетаясь с глаголами разных лексико-семантических групп при выполнении им модифицирующей функции, способен переводить глагол действия в глагол состояния (*йөрү* ‘ходить’ – *йөрөп тору* ‘пребывать в состоянии хождения’), аналогичную функцию выполняют также менее продуктивные глаголы *яту* и *утыру* с десемантизированной и частично десемантизированной структурой (*эшләү* ‘работать’ – *эшләп яту* ‘находиться/существовать в состоянии работы, работать’). Глаголы *тору*, *яту*, *утыру* в модифицирующей функции в большинстве случаев образуют целые словообразовательные ряды глаголов при условии употребления их в известных формах времени и учета лексических значений: *барып тора* (значение постоянного настоящего), *барып торды* (значение результативного прошлого).

Особое место среди динамических и статических глаголов занимают в татарском языке производные глаголы со вторым компонентом *калу* (формулировка СЗ соответствующих глагольных дериватов как «результативность» недостаточна для понимания сути обозначаемого денотата носителями языка). Если рассматривать СТ глаголов с *калу* в сравнении с СТ со вторым компонентом *тору*, обозначающим «нахождение в состоянии, названном мотивирующей основой», то обнаруживается, что глаголы с *калу* эксплицируют момент статики между двумя (или одним прерванным) имплицитными действиями (*тынып калу* ‘замолчать’, *туктап калу* ‘остановиться’, *аптырап калу* ‘растеряться’, *төшеп калу* ‘упасть и там остаться’); при соотносительности глагольного деривата с его

мотивирующей основой (*туктау – туктап калу, озату – озатып калу*) вычленяется СЗ «остаться в состоянии/положении, названном мотивирующей основой» (соотносительный СТ отсутствует, межъязыковые эквиваленты представлены разноуровневыми единицами).

Номинация способа действия в русском языке закреплена за лексическим уровнем (*бежать, лететь, говорить*). В татарском языке есть возможность обозначить этот параметр лексическими и словообразовательными средствами (*чабу, очу, китү, сөйләшү, сөйләшеп китү, чыгып китү*). В обоих языках лексическими средствами передается среда протекания действия, характер субстанции, средство действия (рус. *резать, рубить, сечь*, тат. *кисү, турау, чабу*). Эпизодически в лексическом значении глагола отражается «место» протекания действия (рус. *гостить, зимовать*, тат. *юлыгу/юлыгырга*), темп движения (тат. *бару, чабу*, рус. *идти, бежать*).

Наиболее часто в обоих языках словообразовательными средствами обозначаются направление действия в пространстве, фазы протекания действия и его результативность. Причем если в русском языке наблюдается более дробное членение семантического пространства и кодирование его формальными (словообразовательными) средствами (например, сема «удаление» далее членится на «удаление от точки» (= *от-*), «удаление на незначительное расстояние от точки» (= *от-*), «удаление с поверхности» (= *с-*) и т. д.), то в татарском языке вычленяется больше фазовых значений: «начало действия» = деепричастие на *-п* + *башлау*; «начало действия» + семы интенсивности, неожиданности = *...п* + *жибәрү*; «момент возникновения длящегося состояния» = *...п* + *китү*; «приближение конечного этапа в развитии процесса» = *...п* + *бару*, *...п* + *килү*; «законченность начального/вводного процесса» = *...п* + *калу*; «конец действия» = *...п* + *бетерү*; срединная фаза, или «неограниченное во времени действие» = *...п* + *тору*, *...п* + *яту*, *...п* + *утыру* (последнее значение в русском языке передается лексико-грамматическими средствами – лексическим значением и формой несовершенного вида – *болеть*).

В сфере количественных значений в системе глагола обоих языков ярко проявляется сема сильноинтенсивного действия, в русском языке она передается префиксами (*пере-, вз-, из-, на-, об-, про-, раз-*), сочетающимися с разными глагольными основами, в татарском языке названная сема реализуется глаголами, выступающими в качестве второго компонента в аналитической конструкции (*...п* + *ташлау, салу, төшү, чыгу, китү, ату*). Особенно часто значение интенсивности действия выражается с помощью названных глаголов в разговорной речи (*Диссертацияңне яклап аттыңмы? / Ну что защитила, скинула диссертацию?* (разг.)).

Проявление семы результативности действия в обоих языках зависит от ее потенциального наличия в производящих глаголах (строить, чтобы построить, сушить, чтобы высушить, насушить и т. п., тат. *пешерү – пешереп кую, пешереп алу, пешереп бетерү*). В русском языке возможно дальнейшее членение на следующие семы: «отмена результата» (*отдумать*), следствие результата – уменьшение объекта (*усохнуть*), «уничтожение объекта» (*исписать*), «достижение нежелательного результата» (*залечить*). В татарском языке производные глаголы с названным значением не отмечены указанными выше характеристиками,

они имеют либо «чистую результативность» (*сизеп алу, пешереп кую*), либо осложненную прагматическими оттенками (*алып ату, эйтен ташлау*).

Особенностью глагольной словообразовательной системы татарского языка является и наличие целого ряда средств для выражения таких сем, как «нарастание признака», «развитие признака» и «отсутствие второй границы пространства», в котором протекает действие (*китә бару, алып китү, кычкырып эжибару*), что обусловлено отсутствием оппозиции по признаку предельности/непредельности действия, которая в русском языке представлена на грамматическом уровне (совершенный/несовершенный вид).

Инвентарь словообразовательных формантов в русском языке шире, нежели в татарском, в последнем этот дефицит легко компенсируется многофункциональностью глагола (целый ряд глагольных единиц татарского языка может выступать и в качестве самостоятельных лексем, и как средства для образования новых глаголов), а также перемещением компонентов аналитического глагола (*барып кайту, кайтып бару*). Татарский глагол обладает большими возможностями комбинирования компонентов, в большей степени приспосабливается к изменяющейся ситуации, требует большего знания о мире, русский же глагол более детально членит семантическое пространство.

Картина членения глагольного семантического пространства в немецком языке аналогична характерной для русского языка, но еще более дробная. Так, при наличии инвариантных для русского и немецкого языков словообразовательных значений «внутри», «изнутри наружу» и подобных для немецкого языка важно указать на наличие/отсутствие пересечения границы, наличие субъекта (говорящего), небезразличен характер точек, между которыми протекает действие – подвижны они или нет (см. [1]).

Если же провести сопоставление глагольных словообразовательных систем славянских языков, вполне естественным окажется, что словообразовательные значения глаголов оформляются однотипно, и это неудивительно, так как их формирование восходит к общеславянской эпохе (так, значение «изнутри наружу» в русском, польском, чешском языках передается с помощью приставки *vy-/vyu-/vu-*). Впрочем интересны факты несопадения прямых значений префиксов в разных славянских языках (например, *vy-* в чешском способна указывать на «действие вверх», в сербском языке – «действие внутрь чего-либо»).

Привлечение материала родственных и неродственных языков для изучения одного смыслового объекта (например, поля пространственных отношений в сфере глагольного действия) делает весьма перспективным использование ономаσιологического подхода, позволяя выделять инвариантные и варианты значения в пределах одного языкового уровня или перемещаясь с одного на другой (например, значение возвратного действия в русском языке в целом передается лексически, исключение составляет ограниченный круг глаголов типа *сходить, слетать*; во французском языке приставкой *re-*; в татарском языке и лексически, и на словообразовательном уровне – *кайту, барып кайту, очып кайту*; в латышском участвует префикс *at-*, при этом наблюдается энантиосемия и т. д.).

Предпринятые сопоставления показали, что «высшие» значения семантической структуры языков инвариантны (например, универсальное значение удаления всегда материализуется на лексическом или словообразовательном уровне), «низшие» («удаление на незначительное расстояние», «приближение с незначительного расстояния») – вариативны, уникальны, они обычно реализуются в одном из сравниваемых языков, в другом же проявляются в контексте или их реализация в целом безразлична для языка.

Применение ономаσιологического подхода к глагольным системам родственных и неродственных языков в их структурном сопоставлении вписывается в общую тенденцию современной лингвистики рассматривать смысловые структуры как автономные сущности, что, на наш взгляд, создает надежную методологическую базу для выявления семантических парадигм, семантических типов и семантических моделей, последнее же особенно важно при сопоставлении систем неродственных языков. Выявление семантических типов, в свою очередь, дает возможность, рассмотрев их отношения и взаимосвязи, установить иерархическое устройство семантики частных систем конкретного языка и сравнить его с устройством аналогичных систем в других языках.

Summary

A.A. Aminova. Word-Formation and Semantic Features of Russian Verbs (In Comparison with Their Interlingual Equivalents).

The article demonstrates the use of an onomasiological approach to verbal derivatives in related and unrelated languages for the purpose of finding invariant and variant meanings in the sphere of verbal action.

Key words: verbal semantics, derivation, invariance, Russian language, Tatar language.

Литература

1. *Аминова А.А., Байталова Г.К.* Словообразовательные структуры производных глаголов движения в русском и немецком языках // *Экспрессивность текста и перевод: Сб. ст.* – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С. 113–125.

Поступила в редакцию
06.08.12

Аминова Альмира Асхатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и компаративистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Almira.Aminova@rambler.ru